

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет филологии и искусств

Кафедра истории русской литературы
Институт филологических исследований
Семинар «Русский XVIII век»

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ
XVIII ВЕКА**

Выпуск 2

Под редакцией П. Е. Бухаркина,
Е. М. Матвеева, М. В. Пономаревой

Санкт-Петербург
2008

ББК (2Рос=Рус)1
Л64

Рецензенты:
Н. А. Гуськов
канд. филол. наук
(Факультет филологии и искусств СПбГУ),
А. Ю. Веселова
канд. филол. наук
(ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН)

Л64 **Литературная культура России XVIII века. Выпуск 2.** — Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств. 2008. — 160 с.
ISBN 978-5-8465-0000-0

Сборник состоит из статей и докладов, посвященных проблемам изучения истории литературы и литературной культуры XVIII века. В сборник включены доклады, которые были представлены на XXXVII Международной филологической конференции, прошедшей на Факультете филологии и искусств СПбГУ 12–15 марта 2008 года (секция «Литературная культура XVIII века»), а также некоторые другие статьи соответствующей проблематики.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов, а также для всех интересующихся проблемами изучения литературной культуры XVIII столетия.

ББК (2Рос=Рус)1

Издание подготовлено при поддержке фонда
The ad infinitum foundation

ISBN 978-5-8465-0000-0 © Авторы статей, 2008
© СПбГУ, Факультет филологии и искусств, 2008

Евгений Михайлович Матвеев
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Светский прозаический панегирик в ораторской прозе середины XVIII века

В существующей научной литературе, затрагивающей проблемы русской ораторской прозы XVIII века, распространена точка зрения, согласно которой создателем русской светской ораторской прозы был М. В. Ломоносов.¹ Между тем, если обратиться к истории развития русской ораторской прозы, то окажется, что еще в литературе древней Руси (в XII веке) существовала светская ораторская проза, т. е. ораторские произведения, написанные светскими лицами. Один из самых известных такого рода примеров — «Поучение» Владимира Мономаха.

И. П. Еремин, который в своих работах о древнерусской литературе приводит традиционную классификацию ораторских произведений, выделяя памятники красноречия дидактического и памятники красноречия эпидейктического (торжественного),² не упоминает ни об одном произведении, принадлежащем к светскому эпидейктическому красноречию. С большой долей вероятности можно предположить, что светских торжественных слов (в частности, панегириков) в древнерусской литературе не было — светская ораторская проза существовала в то время как проза дидактическая, торжественное же красноречие имело только одну разновидность — церковную.

Качественно новый период развития русской литературы, существенным образом повлиявший на развитие светского красноречия XVIII столетия, — это вторая половина XVII века, эпоха,

---

¹ Так, например, П. Н. Берков отмечал: «Ломоносову принадлежит честь создания ораторского искусства, точнее, русского светского ораторского искусства» (Берков П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. ст. М., 1956. С. 71).

² Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 65–66.

когда получают развитие придворная литература и различные панегирические жанры (прозаические, поэтические и даже драматические).³ Появляются первые похвальные слова, которые, несмотря на обилие «светских» тем, существовали в форме церковной проповеди и произносились духовными лицами. В XVII веке, а также в петровскую эпоху, несмотря на бурное развитие различных жанров панегирической литературы, светское торжественное слово так и не появляется. Светский панегирик в форме торжественного слова — это действительно открытие середины XVIII века, однако совершил это открытие вовсе не Ломоносов. Перед нами одна из типичных для истории литературной культуры XVIII века «несправедливостей» — очередной пример присвоения Ломоносову «награды» за заслуги В. К. Третьяковского. Первым из известных прозаических панегириков, написанных светским лицом, является незаслуженно забытый многими исследователями русской ораторской прозы XVIII века панегирик В. К. Третьяковского — «Панегирик или Слово похвальное Всемилостивейшей Государыне Императрице Самодержице Всероссийской Анне Иоанновне», опубликованный в 1732 году.

Нами были проанализированы 4 светских слова середины века, приуроченных к царским дням. Помимо вышеупомянутого слова Третьяковского, это «Слово похвальное Елизавете Петровне» М. В. Ломоносова (1749), «Торжественное слово на день коронации Елизаветы Петровны» Н. Н. Поповского (1756) и «Слово на день коронавания Екатерины II» А. П. Сумарокова (60-е гг.). Третьяковский интересен как основатель светского панегирика, Ломоносов — как создатель «канонического» панегирика, Поповский — как продолжатель «магистральной» ломоносовской линии, Сумароков — как писатель, в ораторской прозе которого, как выяснилось, происходят качественные деформации торжественного слова.

Анализ ряда светских панегириков позволяет сделать выводы о некоторых особенностях бытования этих текстов.

1. Представляется важным, что светские торжественные слова имели два способа презентации — устное исполнение перед

---

³ См. об этом: Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 5–38; Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 363–518.

аудиторией (как церковные проповеди) и подношение (как торжественные оды). Рассмотренные слова Ломоносова, Поповского и Сумарокова, очевидно, произносились вслух и поэтому ориентированы на прямое общение с аудиторией; так же как в церковных проповедях, в этих словах есть обращения к слушающей публике. Формулировка заголовка панегирика Тредиаковского («Слово <...> Ея Императорскому Величеству в день Тезоименитства Ея поднесенное»), а также отсутствие в тексте обращений к слушающей аудитории позволяют предположить, что это слово не произносилось — оно было императрице поднесено. О том, что само «Слово похвальное» не произносилось, свидетельствует и тот факт, что в издание 1732 года, помимо собственно «Слова», включена специальная «Речь поздравительная», которая точно была произнесена перед императрицей. Информация об этом содержится в самом тексте речи: «Хотя ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА и один токмо произношу теперь пред вами слово; но, без сомнения, всех горячая желания и радости полная сердца приношу ВЕЛИЧЕСТВУ».⁴ Как видно, в произнесенной речи Тредиаковский использует местоимение «вы» (причем в обычном обращении к императрице, не в официальном титуле), и это является еще одним важным фактором, разграничивающим поднесенное «слово похвальное» и произнесенную «речь поздравительную». Получается, что обратиться к императрице на «ты» Тредиаковский мог себе позволить только в письменном тексте, а в устном прямом обращении он считал правильным использовать этикетное «вы».

2. Различия в способе презентации панегириков влияют на поэтику: в тексте слов, ориентированных на устное исполнение, помимо адресата и адресанта панегирика, присутствует еще одна важная составляющая — образ «слушателя». Именно со способом презентации таких панегириков связано и важное различие между торжественным словом и торжественной одой у Ломоносова.

Н. Ю. Алексеева так охарактеризовала основу внутренней формы торжественной оды: «Исступление, энтузиазм, восторг организуют пиндарическую оду, являясь ее внутренней формой <...> В этом состоянии поэт видит “умными глазами”, “мысленным

---

⁴ Тредиаковский В. К. Панегирик или Слово похвальное Анне Иоанновне. СПб., 1732. С. 16.

взором” недоступное простому глазу. Восторгаясь духом в над-небесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты <...> Мысленному взору поэта открывается весь мир в его настоящем, прошлом и будущем, во всей его огромности и безбрежности».⁵

В качестве иллюстрации к этому высказыванию приведем начало знаменитой ломоносовской «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны» 1746 года:

На верх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают Муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах зланных
Поспешно радостна влечет:
Там холмы и древа взывают
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться,
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род.⁶

Восторг, «парение», мысленный взор поэта, который охватывает громадное пространство, — все это здесь поэтическая реальность, такая реальность, которую «видит» одописец. Начало «Слова похвального Елизавете Петровне» отчетливо демонстрирует разницу между Ломоносовым-одописцем и Ломоносовым-

---

⁵ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 192. — Исследователи давно обратили внимание на то, что этот прием «взгляда сверху» характерен для произведений древнерусской литературы и использовался, в частности, в летописях (См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 346–347).

⁶ Ломоносов М. В. Стихотворения. Л., 1954. С. 100.

оратором: «Естьли бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в которой под благословенною державою всемиреливейшия Государыни нашае покойающиеся многочисленныя народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространнаго Ея Владычества <...> коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось!».⁷ Можно увидеть сразу два принципиальных различия. Первое касается субъектной структуры: в оде использовано местоимение «я», в слове — местоимение «мы», в оде повествователь описывает *свой* восторг, в слове автор предлагает «воспарить» слушателям. Второе отличие слова от оды заключается в следующем. В отличие от оды в торжественном слове восторг описан как предполагаемое условие (использовано сослагательное наклонение глаголов); здесь оратор отталкивается от реальности «настоящей», от ситуации произнесения своего текста перед слушателями. Поэтому оратор более рассудочен и «осторожен» с одическим восторгом, чем одописец.⁸ Он не сразу «обрушивается» на читателя (в широком смысле слова), как, например, в ломоносовской «Оде на взятие Хотина» («Восторг внезапный ум пленил...»), а постепенно как бы готовит его к переходу в иную, художественную, реальность. Второе предложение «Слова похвального»

---

⁷ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 8: Поэзия. Ора-торская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959. С. 235–236.

⁸ В этой связи интересны выводы, сделанные в работе М. И. Панова и А. М. Ранчина: «Поэтическое парение в оде заменяет принципы логической организации речи похвального слова, которые во многом основаны на умозаключениях и силлогизмах и допускают даже очень рассудочные конструкции: “Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету” <...> Большая рассудочность построения похвальных слов отразилась и в различиях пространственно-временной организации панегириков и од. Хотя парящий взгляд “сверху” характеризует и панегирики, и оды <...> однако пространство в ломоносовских похвальных словах локализовано в пределах России и пограничных государств <...> Смещение его с пространством мифологическим или условно-поэтическим исключается <...> Большая рассудочность построения речи похвального слова обусловила отличие панегирика от оды в самом характере их образности. Персонификации, метафоры панегирика можно условно назвать риторическими образами: они не содержат какой-либо информации, которую нельзя было бы выразить в лирическом образе» (Панов М. И., Ранчин А. М. Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 178–179).

осуществляет этот переход: сослагательное наклонение глагола сменяется изъявительным, и больше частица «бы» в тексте слова не появляется. Таким образом, важное отличие между словом и одой у Ломоносова заключается в том, что в подносимой оде одический восторг сразу же «врывается» в произведение, в произносимом же слове автор ориентируется на слушателей и, соотнося реальность «настоящую» с реальностью поэтической, постепенно «увлекает» их за собой (при этом несколько раз имеет место рефлексия по поводу самой ситуации произнесения).

3. Нами была рассмотрена субъектная организация и система «действующих лиц» светского панегирика. Адресатом панегирика является царствующая особа, а адресантом — панегирист, оратор. Но обращаться автор может как от себя лично (и тогда в тексте используется местоимение «я»), так и от имени некоего коллектива (от имени «мы»). «Я» используется, когда в слове затрагивается тема создания панегиристом своего собственного текста (у Тредиаковского, Ломоносова и Поповского) либо когда автор выражает свою личную точку зрения и подчеркивает это (у Сумарокова).

В отличие от «я» сфера использования «мы» значительно шире. Само по себе использование «мы» в панегирике можно отнести к традиционным приемам ораторских слов XVIII века. Так, например, он встречается в словах Феофана Прокоповича, в которых, как отмечают исследователи, использование местоимения «мы» «имеет всегда совершенно определенный смысл, подчеркивает, что эмоцию, которую переживает повествователь, переживают с ним и окружающие».⁹ Интересно, однако, кто эти «окружающие». На нашем материале выявляется, что даже в пределах одного и того же слова под «мы» могут пониматься различные субъекты. Например, в начале ломоносовского панегирика «мы» — это присутствующая при произнесении слова аудитория, а в эпизоде, посвященном описанию дворцового переворота, «мы» — это «все подданные».¹⁰

Местоимение «мы» часто появляется «на эмоциональных пиках» панегирика, когда используются риторические вопросы и восклицания, — например, у Тредиаковского, у которого при

---

⁹ Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. С. 26.

¹⁰ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 243.

переходе на «мы» интонация становится более взволнованной; есть такого рода примеры и в слове Ломоносова. Это лишний раз подчеркивает то различие между одой и словом, о котором уже говорилось: основа произносимого перед аудиторией панегирика — не восторг автора, а установка на коллективную эмоцию и сопереживание слушателей.

Текст панегирика по своей структуре представляет собой речь-обращение, и субъект этого обращения может различаться. Это может быть обращение к самой императрице, это могут быть обращения к слушателям (Ломоносов, Поповский), это могут быть, наконец, риторические обращения к России (Сумароков), к отдельным группам населения — к российскому юношеству (Поповский), к различным сословиям (Сумароков) и т. д. Для обращений к императрице и упоминания в тексте слова царствующей особы в панегирике Тредиаковского характерно смешение местоимений «ты» и «вы», «твой» и «ваш». В слове Ломоносова и других рассмотренных словах смешение этих местоимений уже не встречается — по всему тексту используется местоимение «ты». В рассмотренных нами словах также встречаются примеры резкого изменения «ракурса повествования»: повествование об императрице в третьем лице (адресатом в этом случае является аудитория) неожиданно может сменяться обращением к самой императрице. Ср. один из таких примеров из слова Поповского: «Она общая Покровительница, общая Мать Отечества: мы Ея единым тщанием в безопасности и тишине блаженную жизнь провождаем. Да даст Тебе Господь, Великая Монархиня! Век по мере пространства управляемая Тобою России, по числу народов Тебя любящих, век Твоему о нас попечению, и нашему к Тебе усердию соответствующий».¹¹

4. Анализируя содержание светских похвальных слов, можно условно разделить встречающиеся в них темы и мотивы на две группы: 1) собственно панегирические темы и темы, связанные с похвалой царствующей особы, и 2) отступления от панегирической темы.

В состав первой группы, помимо прямого перечисления заслуг и похвалы царствующей особы, входят в первую очередь так

---

¹¹ Поповский Н. Н. Высочайший день Коронации Ея Императорского Величества Всемилостивейшия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссийския публичным собранием празднует Императорской Московской университет. М., 1756. С. 9.

называемые «общие места» государственного панегирика — изображение гармоничного государства и идеально соответствующего этому государству монарха, «мир и тишина», ликование жителей России, тема Божьего промысла в связи с монархом и т. д. Другие темы этой же группы образуют тематическую композицию самой похвалы и связаны с панегирическим каноном, восходящим, как замечают исследователи, еще к античным образцам. Анна Сергеевна Елеонская, сравнивая «Слово похвальное Елизавете Петровне» и «Слово о пользе химии», обратила внимание на их композиционное сходство: «Похвалу Химии он (Ломоносов. — *Е. М.*) строит в строгом соответствии со схемой панегирического “слова” <...> Корни этой схемы мы находим еще в античном ораторском искусстве: например, рекомендовалось прежде всего выделить рубрику “происхождение”, а затем разделить ее на части (“народ”, “отечество”, “предки”, “родители”) и трактовать каждую по отдельности. Далее следовала рубрика “деяния” также со своими подрубриками и т. д. <...> Здесь (в “Слове о пользе химии”. — *Е. М.*) та же схема, что и в панегирике царям. Например, в “Слове похвальном... Елизавете Петровне” автор обращается к “великим предкам” последней — “благородному корню” <...> а затем останавливается на “добродетелях” и поступках на пользу России».¹² Действительно, похвала предкам императриц (в особенности Петру Великому) в той или иной форме содержится в рассмотренных нами словах Третьяковского, Ломоносова и Поповского. Содержатся в каждом из этих слов и «деяния» — начиная от описания «героических» обстоятельств вступления на престол Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. К собственно панегирическим темам в наших торжественных словах также имеет отношение ряд конкретных мотивов, например изображение отдельно внешних достоинств и отдельно внутренних добродетелей императрицы, акцент на «женском» милосердии и незлобивости (в противовес «мужской» суровости) и др.

Непосредственно связан с панегирическими темами и мотивами и образ автора-панегириста. В панегириках Третьяковского, Ломоносова и Поповского автор — это подданный императрицы, который сетует на свое недостоинство. Наиболее ярко этот мотив

---

¹² Елеонская А. С. Проблематика «слов» М. В. Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 137–138.

представлен у Тредиаковского. С этим связана еще одна мысль Тредиаковского («И хотя б кто премудрейший был, но похвалить достойно тебе не может»¹³), значительно больше «уверенности в себе» у Ломоносова и Поповского. Однако во всех трех словах можно встретить мысль о невозможности адекватной похвалы и тему искренности, которая как бы «искупает» риторическое несовершенство панегирика.

Вторая группа тем и мотивов, встречающихся в рассмотренных нами панегириках, — это отступления от панегирической темы. Из наших примеров только слово Тредиаковского можно назвать панегириком «чистой воды» — оно почти не содержит «отступлений» от основной темы. В панегириках Ломоносова и Поповского, несмотря на то, что их основной темой является похвала императрицы, содержится по одному большому «отступлению» — отступление о науках в панегирике Ломоносова и отступление о Московском университете в слове Поповского (почти вся вторая часть слова). А. С. Елеонская, анализируя «Слово похвальное Елизавете Петровне» Ломоносова, даже писала о том, что «идейно-композиционным центром “Слова...” является похвала наукам, отодвигающая на второй план образ императрицы».¹⁴ Все-таки это преувеличение, образ императрицы в слове все равно оказывается на первом месте, но сам факт весьма обширного и прямо не связанного с похвалой царствующей особы отступления весьма примечателен.

5. В связи с вопросами содержания панегирика отдельного внимания заслуживает «Слово на день коронавания Екатерины II» А. П. Сумарокова. В этом слове мы почти не обнаружили тех традиционных панегирических тем и мотивов, о которых говорилось выше.¹⁵ Модальность высказывания у Сумарокова принципиально отличается от ломоносовской. Ломоносов писал о «разных обитателях», прославляющих объект своего панегирика (императрицу),

---

¹³ Тредиаковский В. К. Панегирик или Слово похвальное Анне Иоанновне. С. 2.

¹⁴ Елеонская А. С. Ораторская проза в художественной системе М. Ломоносова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. М., 1989. № 4. С. 53.

¹⁵ Правда, Сумароков оказывался в гораздо более сложном положении, чем его предшественники: вряд ли имело смысл включать в панегирик Екатерине II похвалу предкам или упоминать об обстоятельствах ее вступления на российский престол.

Сумароков же обращается к российским сословиям совсем с другой целью. Он не призывает к похвале императрицы, в его слове вообще похвала редуцирована до минимума — с самого начала в тексте доминирует поучение и даже обличение. Вот, например, обращение автора к судьям: «Судии, блюдите уставы, поражающая беззаконников и ограждающая безопасностью невинных, ибо внутренняя злодея обществу еще и внешних пагубнее!».¹⁶ Или к дворянам: «Следуй, Российское Дворянство, Богине своей, предшествующей тебе ко храму премудрости! Суетно звучит имя благородства, не имея благородных качеств <...>».¹⁷ В слове почти не содержится прямого восхваления Екатерины; вместо этого в нем находим много «побудительных обращений» к императрице, например: «Утверждай, Государыня, правосудие на престоле Российском, ко безопасности нашей и для способности нам быти здоровыми и полезными членами Твоего и нашего отечества»,¹⁸ «Буди, Государыня, буди всегда Материю любезному своему народу! награждай добродетель, исправляй пороки наши и рази беззакония»¹⁹ и др. Интересна модальность последнего предложения: автор высказывает пожелание, чтобы императрица стала «Материю любезному своему народу», подразумевая тем самым, что в настоящее время она таковой не является. Так у Сумарокова все достоинства императрицы представлены не в виде объективной реальности, а как пожелание.

Главное отличие слова Сумарокова от панегириков Триаковского, Ломоносова и Поповского в том, что автор здесь не изображает идеальную реальность, а декларирует перед императрицей свои взгляды. В связи с этим претерпевает изменения и модальность слова, исчезает образ автора-панегириста, редуцируется панегирическое начало, появляются абстрактные рассуждения и дидактика. Такие «рассуждения-обобщения» мы обнаружили и в слове Поповского (там возникает образ «идеального доброго правителя» вообще), но там они носили характер отступления от основной темы. У Сумарокова же они сами становятся основной темой слова.

---

¹⁶ Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Изд. 2. М., 1787. Ч. 2. С. 229.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 230.

¹⁹ Там же. С. 231.

Представляется, что мощное публицистическое начало в соединении с дидактикой в словах Сумарокова (эти черты характеризуют всю его ораторскую прозу) появилось под влиянием его общих идеологических установок, в частности его взглядов на российскую монархию. Г. А. Гуковский охарактеризовал их так: «Он (Сумароков. — *Е. М.*) считает, что монарх должен быть подчинен законам чести, воплощенным в государственных законах, что он должен управлять во имя государства и силами дворянства и что дворянство должно своими правами гарантировать сохранность “свободы” и независимость законов».²⁰ Исследователи находили общие черты между проповедями Феофана Прокоповича и словами Сумарокова. Основное отличие их ораторской прозы от ораторской прозы ломоносовского типа (к нему можно условно отнести и рассмотренные нами тексты Тредиаковского и Поповского) в том, что цель речи — «не возбудить, а убедить слушателя».²¹ Н. Д. Кочеткова писала о влиянии Феофана Прокоповича на Сумарокова: «Феофан как моралист и полемист <...> был в достаточной степени близок Сумарокову. Существенное различие заключалось, однако, в том, что и поучение и сатира у Прокоповича включались в текст проповеди, приуроченной к какому-либо торжественному событию, в текст панегирика; Сумароков же соблюдал иерархию жанров».²² Наше исследование демонстрирует обратное — Сумароков делал точно так же, как Феофан, внося в произведения торжественного красноречия несвойственные ему элементы дидактики. Так разрушался панегирический канон.

Деформации, которые происходят с панегириком в словах Сумарокова, свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века «чистый» панегирик постепенно исчезает. Говоря о «закате» панегирической эпохи, А. С. Елеонская писала: «Под

---

²⁰ Гуковский Г. А. История русской литературы XVIII века. М., 1999. С. 124. — В этой связи можно также вспомнить известную работу Г. А. Гуковского, в которой он назвал Сумарокова и поэтов сумароковского направления «дворянской фрондой». Исследователь писал: «Претендуя на роль просветителей, они облекались авторитетом книжной мудрости; но они хотели также “исправлять нравы”» (Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х гг. М.; Л., 1936. С. 31).

²¹ Кочеткова Н. Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 77 (XVIII век. Сб. 9).

²² Там же. С. 76.

конец века ораторское “слово” — “Слово о Ломоносове” — звучало со страниц “Путешествия из Петербурга в Москву” <...> Построенное по всем правилам эпидейктического красноречия, произведение А. Н. Радищева явилось образцом публицистической ораторской прозы. Однако сам этот вид творчества как род художественной литературы был уже исчерпан». ²³ Об этом свидетельствует и тот факт, что Радищев использует панегирическую традицию как литературный прием, как своеобразную стилизацию.

---

²³ Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М., 1990. С. 223.